

Я с детства училась понимать, что все люди разные и что «плохо» и «хорошо» каждый толкует по-своему. Что для одного жадность, для другого – запасливость. Один скажет: «нервный», другой не согласится: «темпераментный». Кто-то оценит: «чистая душа», а кто махнёт рукой: «А, простодырый!».

Когда я ещё пешком под стол ходила, моя семья переехала из сибирского села в южный городок. Бабушка-то с дедушкой ещё задолго до того задумывали провести преклонные годы в тёплом климате, а мама сорвалась в последний момент. Так мы и перебрались впятером в незнакомые края: дедушка, бабушка, мама, старшая сестра Иринка и я.

Наш дом, панельная новостройка, в городе оказался последним. За дорогой, вдоль улицы, тянулось бескрайнее пшеничное поле. Правда, позже у поля нашёлся край, за ним оказалась ещё дорога, а за ней луга, куда мы ходили за земляникой, а дедушка – за коровяком для дачи. Ещё дальше, за лугами, если прищуриться, в солнечный день можно было разглядеть светлые крыши деревни, в которой мы никогда не бывали. Под нашими окнами, дальше по улице, строился типовой советский детсад в два этажа. За ним стояла половинка дома из серого силикатного кирпича, на которой, как муравьи в касках, копошились строители, а чуть дальше, где дорога делала поворот, только-только заложили фундамент ещё одного дома. Оттого на всех моих детских рисунках рядом с домиками красовались строительные башенные краны. Надо сказать, тот второй дом так и бросили: двадцать лет он стоял на обочине, пугая пустыми глазницами. А может быть, и не надо говорить... В том счастливом 1989 году казалось, что впереди всё только хорошее.

Рядом с нашим новым домом стояла другая такая же пятиэтажка, построенная чуть раньше. Хотя как сказать... Такая же, да не такая. На боковой её стене, обращённой к центру улицы, там, где не было окон, цветными плитками были выложены гигантские буквы «МЖК», что означало «Молодёжный жилищный кооператив», а рядом с буквами – подъёмный кран. Наш дом был не кооперативный и не молодёжный, поэтому на его стенах такая же цветная плитка была уложена ровными рядами, без излишеств. И от этого было немного обидно и даже завидно. Вот бы этот дом был наш. Или пусть бы и на нашем доме тоже что-нибудь выложили. А ещё к соседней пятиэтажке был пристроен магазин. Взрослые называли его «Эм-жековский» за принадлежность к кооперативу, а мы, дети, – «мужиковский» или просто «наш». Оба дома смотрели друг на друга, и двор был общий.

В «эмжековский» дом, как и положено, въехали молодые семьи с детьми, давние жители городка, а в наш – все в вперемешку: одинокие и семейные, молодые и пожилые, городские и деревенские. Местных густо разбавили приезжими из Сибири. Думал ли тот кабинетный деятель, который распределял квартиры, сколько волнений и недоумений, тревог и разочарований порождает он, бездумно ставя галочки напротив фамилий: Колесниченко, Осокин, Решетило, Русанов, Ханин, Шевелёв, Шумахер? Какую гремучую смесь характеров, взглядов, жизней замешал невольный вершитель судеб

в этой новенькой панельке, где сквозь тонкие стены слышались чужие разговоры, ругань, песни, плач и даже уханье совы на чердаке.

В первые же дни все приезжие из-за Урала перезнакомились, узнали, кто откуда, искали в памяти общих знакомых, не нашли, но и не расстроились. Заглянули друг к другу в гости, смеясь и перешучиваясь, заметили, что можно было и не ходить, всё равно квартиры одинаковые – кухни пополам бело-зелёные, комнаты – в одинаковых охристо-болотных обоях. И наконец, сами себе придумали название – «северяне». Местные смотрели на северян с недоверием, чуть исподлобья. Не такие они. В чём эта «нетаковость», сразу и не скажешь, а в глаза так и лезет. Северянина от местного за версту отличишь: идёт, головой вертит, всему улыбается, на всё – ох да ах. Простая абрикосина во дворе растёт – а он уж рот разинул «красота-а», на базаре всё подряд хватает, спелое, зелёное – не разбирает и опять всему рад радёшенек. Не торгуется. Ясное дело, при деньгах. В подъезде встретишь – ту же песню заводит, всё ему хорошо да дивно.

А нам и впрямь всё было на диво. Кто-то приехал из дальней деревеньки, в которую добраться можно лишь по воде или по воздуху, кто из города, а полжизни прожил в балке – железном вагончике, кое-как обустроенном на домашний лад. Жизнь не избаловала. Да и те, кто из квартир, радовались теплу и солнышку, свежим фруктам и возможности гулять в лёгких рубашках, не отмахиваясь от назойливых комаров и мошек.

– Надёжа! Тут – благодать! – восхищался дедушка по телефону. – Все дороги под чистую – в асфальте. Резиновые сапоги хоть выбрасывай – не жалко. Кран откроешь – вода, какая хочешь: горячая, холодная. Туалет тёплый, газ подведён, батареи, обои наклеены, всё побелено – заходи и живи.

Местные наших восторгов не разделяли. Придирчиво осматривали комнаты: где-то плитка с трещиной, где обои от стены отстали, где кран капает, и почему у соседей стекло в двери матовое, с узором, а у них – простое. Украли? Ругались с рабочими, хитрили, уговаривали, сулили деньги или чекушку, торговались и всё-таки добивались замены на лучшее, новое, не хуже соседского.

«На новом месте приснись, жених, невесте», – шутила бабушка, глядя, как мы с Иринкой, довольные, болтаем ногами на матрасе, расстеленном на полу – контейнер нас ещё не догнал. Да и вещей в нём было немного: только самая нужная мебель да домашняя утварь на первое время. Уезжая из деревни, бабушка с дедушкой почти все вещи раздали родне. Разошлись по деревне вёдра, кадушки, разные грабли-лопаты, дедушкины рыболовные снасти, посуда. Это было принято, так же как отдавать молодым родителям из числа знакомых одежду, из которой выросли дети. Вещи не хранили, да и не очень-то дорожили ими. Знали, родится малыш – родные и друзья принесут целый ворох хорошо постиранных, добротных пелёнок-распашонок. Правда, в спешке переезда оставлена была и коробка старинных ёлочных игрушек, дорогих сердцу, о которых мама ещё долго сожалела.

Северяне в первые дни с азартом бегали по магазинам, показывая друг другу самые удачные покупки. Мы отхватили серо-голубой шерстяной ковёр и белые с зелёным табуретки. В подъезде под лестницей поселились велосипеды и детские коляски, в отверстиях одинаковых почтовых ящиков стали белеть свежие газеты. Всё было новенькое, чистое, блестящее, пахнущее краской и новостями.

Местные свозили в квартиры мешки, тючки, свёртки, набитые домашним скарбом, часть которого тут же складировалась на балкон на вечное хранение. Вещи свои они берегли, ревниво поглядывая: как бы кто не сти-

брил. Здесь же хлопали пыльные ковры, привезённые из прежнего жилья, просушивали на солнце подушки. В соседнем дворе, прямо у детской площадки ошпыливали кур, которых, покидая ближнее село, не успели продать.

– Чи дюже бог’ато живёте? Шо не замыкаетесь? – пробормотала соседка Нина Семёновна, из местных, просунув седую голову в просвет нашей двери, которая по сибирской привычке была не плотно прикрыта. Любопытно обвела глазами обстановку и деловито притворила дверь.

– Здравствуйте, – крикнул ей вслед дедушка, но странной гостью уже и след простыл.

– Чо сказала? Половину не поняла, – удивилась бабушка.

– Богато мы живём, говорит. Да где же богато? Обыкновенно, – пожал плечами дедушка. – Хоть бы уж поздоровалась.

– «Чи» – это по-здешнему «наверно», – вспомнила мама.

– А «дюже»?

– Не знаю. Наверное, от слова «дюжина»...

На следующий день пришёл наш контейнер. Весело было сидеть на диване у подъезда и болтать ногами, пока взрослые суетились вокруг, заглядывая в тюки и коробки.

– Ребятки, – наклонился дедушка к двум мужичкам, маявшимся от безделья на ближайшей скамейке. – Помогите диван на четвёртый этаж за-тащить.

– За скока? – пробурчал исподлобья тот, что постарше, с пшеничными усами.

– Чо? – не понял дедушка.

– Поторгуемся? Не даром же горбатиться, – весело пояснил молодой, сияя ожиданием скорой прибыли.

– Да вы чё! – оторопел дедушка. Бабушка, ловко приклонив к дереву свиток ковровой дорожки, вмиг метнулась к нему, готовая остановить бурю. Уж она-то знала, что за простоватыми дедушкиными манерами скрывается взрывной нрав. Но дедушка лишь махнул рукой и пошёл к дому.

– Алёша, ты не переживай, у здешних, у них всё так – без копейки не пошевелятся, – утешала его широкую спину бабушка, не поспевая за дедушкиными шагами. – Давай к Семёну ходим, он сам давеча говорил: если нужно что, поможет.

– Не, ну и наглёж, – пробурчал усатый мужик, когда дедушка скрылся в подъезде. – Я ему кто такой – за дарма работать.

– Мы ему не занимались, – поддакнул второй.

Вечером приехавший в контейнере стол накрыли белой скатертью, а сверху бережливо – прозрачной клеёнкой и оставили новыми тарелками. Помощников, по обычаю, следовало вкусно угостить, да и рюмочку предложить – как без этого. Северяне сидели на новом диване: женщины – на подушках, диван был низковат, а мужчины – так. Нахваливали бабушкин рыбный пирог, смеялись, шутили.

– Приезжие всё гуляют, всё песни поют, – с осуждением рассказывала утром Нина Семёновна соседке снизу, косясь на нас, играющих на площадке, – А чё гуляют? Будто праздник какой?

– Дрались?

– Не, от них не дождёшься. Скучный народ.

– Ой, не говори, Семёновна. Всё втихаря, всё втихаря. На улице – и то шепчутся. Шо скрывают от людей-то?

Местным казалась странной наша манера разговаривать вполголоса. А мы с удивлением смотрели на двух соседей, которые, стоя в разных кон-

цах автобуса, громко переговаривались о таких делах, которые, нам казалось, и вовсе не для постороннего уха.

– Пятровна, шо муж-то твой злой, как собака?

– Ой, не говори... У самой сил нет... Геморрой его замучил. И мы света белого не видим.

– Да ты шо? А ты его тёртым луком лечила?

– И луком мазала, и картохой сырой натирала, и хреном тёртым мазала. Только продукт перевела...

Старшие давились смехом, а тётка невозмутимо продолжала увлекательную беседу. Бабушка кусала щёки, стараясь удержать серьёзное выражение лица, а я, не зная по малолетству упомянутого медицинского термина, вопросительно дергала её за рукав.

– Ох ты, ох ты, кака гарна дивчина! И платье-то у неё красное, и сандалики, – громко, видно стараясь угодить, похвалила меня Нина Семёновна, встретив нас с бабушкой на остановке. – На-ка тебе цукерку.

Я тыкалась лицом в бабушкин подол и конфету не брала. Бабушка строго посмотрела на соседку: «Спасибо, не нужно, Алёнушка недавно покушала», – и поспешно повела меня домой. Нина Семёновна смотрела нам вслед с горькой обидой.

– Нет, ну надо же, кто ж так делает? – сокрушалась бабушка дома, – На всю улицу-то зачем кричать? Ну ей-богу сглазит. Я хоть булавочку-то тебе приколоть не забыла? – добавила она, поспешно отвернув мой воротничок. – Слава Богу, на месте. И хоть бы сказала путём – «хорошая девочка», а то не поймёшь, то ли похвалила, то ли обругала. Глаз у неё нехороший, сразу видать.

Громкая, нарочитая похвала казалась почти проклятием бабушке, привыкшей, что слова одобрения должны звучать скромно и негромко, да ещё с оговоркой, да с постукиванием по дереву, да и то, если есть повод. А красота и здоровье – природой даны. За что тут хвалить? Но всё бы забылось, да только на следующее утро я заболела – кашляла и швыркала носом. И никакие логичные доводы, что виной всему внезапно испортившаяся погода и съеденный не вовремя стаканчик мороженого, не разубедил бы бабушку в том, что Нина Семёновна – колдовка. А соседка здоровалась с нами сквозь зубы и глядела недобро, всем своим видом лишь усугубляя впечатление. Да тут ещё одно событие приключилось.

Ещё на первом собрании жильцов кто-то предложил поделить участок земли между домом и детским садом на участки. Кто захочет – может устроить там небольшой огород. Так делали жильцы некоторых соседних домов: с фасада всё честь по чести, по-городскому – лавочки, клумбы, а позади дома – лучок, морковочка, а у кого и помидорки. Деревенские жители, истосковавшиеся по «своей зеленушке», дружно поддержали идею. Председатель домоуправления, невысокая юркая женщина, тут же принялась записывать желающих в тетрадку.

В ближайшую субботу землю поделили на участки, воткнули колышки, и каждый свой колышек отметил: кто ручкой нацарапал фамилию, а кто просто привязал яркую ленту, а то и какой-нибудь цветной носок. Нам достался надел в аккурат под нашим балконом. Нине Семёновне – соседний, неудобный, с канализационным люком посередине. Она попробовала возмущаться, шуметь, жаловалась, что она одинокая, и участок ей не для баловства, а для пропитания. «Кое-кто дачи покупает и здесь ещё землю хапает», – говорила она, косясь на нас. Требовала поменяться, да только никто на это не согласился.

В этот же год дедушка посадил в центре участка каштан, а ближе к краю – прикопал плод каштана. Очень ему понравились эти раскидистые, пышно цветущие деревья с большими затейливыми листьями. В северных широтах такой роскоши не встретишь. Мы с сестрой размечтались – вырастет каштан до самого нашего балкона. Выглянешь майским утром в окно, а там цветы – только руку протяни.

Следующей весной все соседи взялись перекапывать свои огородики. И то ли сверху так казалось, то ли и вправду так было – не разберёшь, только одни наделы стали чуточку шире, а другие – сузились. Наш участок тоже будто похудел. Бабушка критически осмотрела его с балкона и махнула рукой:

– От нас не убудет.

Обман вскрылся во всей красе, когда на краю участка Нины Семёновны вырос... наш каштан. Тонкий, но смелый росток всё увереннее расправлял свои зелёные плечики у самой борозды. Всё ярче красовался своими особенными семилистными розетками. Сразу видно: не клён, не берёзка, а раскидистое южное дерево. Как же так он мог передвинуться на целый шаг, перепрыгнуть на чужую грядку? Однажды бабушка не выдержала:

– Нина Семёновна, а ведь каштан-то этот мы на своей грядке сажали. Как же он у вас оказался? – осторожно начала она, думая пристыдить соседку колким замечанием. Но та будто давно готовилась дать отпор.

– Как это вы сажали? Что-то я не видела! Мало ли каштанов в землю падает. Он у меня сам вырос.

– А вы когда грядку перекапывали, колышек не сдвинули? – намекала бабушка.

– Ничего я не сдвигала. Я свой участок знаю, а чужого мне не надо! – вспыхнула Нина Семёновна и, демонстративно отвернувшись от бабушки, стала с остервенением выдёргивать лук.

Бабушка промолчала. Не больно-то нужен был ей этот кусочек земли. Обидно было лишь, что соседка в лицо, не стыдясь, говорила ей неправду. Больше она этот разговор не заводила.

А через неделю после сбора урожая дедушка тихо подозвал её к окну, смеясь в кулак:

– Смотри, смотри, что делает...

Нина Семёновна в вечерних сумерках подкапывала лишнюю пядь к своему участку и, смешно суча худыми ногами, поспешно натаптывала новую борозду.

– Да пусть копает, раз ей так надо, – примирилась бабушка, ласково приклонившись к дедушке.

Но однажды утром бабушка выглянула в окно и ахнула – соседка обрубила у нашего каштана все ветки. Местные, выросшие в степном краю, недолюбливали деревья. Если сажали, то только плодовые, да и то подальше от дома – верили, что они притягивают молнии. А простые берёзки, рябинки и вовсе считались бесполезными. Но если уж дерево вдруг само выросло из семечки, его нещадно обрубали. И стоял такой полтораметровый пенёк, покрытый тоненькой порослью, как птица с обрезанными крыльями. И летом-то он не располагал к веселью, а уж когда опадали листья, на этого древесного инвалида и вовсе больно было смотреть.

Жалко до слёз было наш каштан. Никогда он уже не вырастет и не коснётся веточками балкона. На грустный вопрос бабушки Нина Семёновна ответила деловито, упершись мозолистыми руками в цветастые бока:

– А шо? Он мне весь огород затемнит. Ничего расти не будет. Мне и так ваша вишня полгрядки закрыла.

И как ей было объяснить, что раскидистые ветки каштана под окнами – это мечта. Всему у неё была своя цена. И урожаю с грядки – в первую очередь. Выращенные овощи Нина Семёновна продавала здесь же, во дворе дома, возле нашего магазина. Мы у неё ничего не покупали. На своём огороде росло всё, что нужно, а если чего и не было, шли на рынок. У Нины Семёновны глаза недобрые, кто её знает, что она над своим чесноком нашепчет?

Бойчее всего у Нины Семёновны шла торговля семечками. Подсолнухи она собирала на ближайшем поле, шелушила и жарила на сковородке. По правде говоря, воровала, но в её понимании поле было государственное, а значит, семечки – общие. Почему при этом другие должны за них платить – об этом старушка не задумывалась. В бессменной белой панаме и цветастом платье она, как на работу, приходила на свой боевой пост каждый день с выцветшим раскладным стульчиком. И, разложив на газетке своё расфасованное в замусоленные кульки добро, сидела до заката.

Но однажды жарким летним днём во двор влетела скорая. Мы её не видели – наши окна выходили на другую сторону, только слышали громкую сирену. А вечером узнали, что забрали Нину Семёновну. В самый зной, когда все попрятались по домам и закрыли шторы, спасаясь от палящих лучей, Нина Семёновна продолжала сидеть на своём месте у магазина, ожидая покупателей. Случайный прохожий увидел её распростёртой на разогретом асфальте и вызвал ноль-три. Больше мы её не видели. То ли дальние родственники похоронили её так поспешно, что никто и не видел, то ли она обрела покой на каком-нибудь деревенском кладбище, а может быть, и родных у неё не было, и её предали земле за казённый счёт. Только и осталось после её смерти – пустая квартира да разговоры. Местные жалели: вот это была настоящая торговая жилка. Северяне недоумевали: как можно было ради денег себя свести в могилу? Огород Нины Семёновны тут же захватила соседка снизу, заявив во всеулышание, что была её близкой подругой, хотя все и знали, что между ними была вражда. Но спорить никто не стал.

С тех пор прошли годы, многие северяне, не прижившись, уехали на родину. Мы пообыклись, стали говорить громче, порой, к собственному удивлению, срываясь на местное «г'э», перестали удивляться. Да только местными не стали. Северянина, его же за версту видно, не такой он, а в чём эта «нетаковость» – сразу и не скажешь.